

АЛЕКСАНДРА
ИБИС

ФАМИЛЬЯР
С ПОДВОХОМ

Александра Ибис

Фамильяр с подвохом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70385428

SelfPub; 2024

Аннотация

Попала в другой мир в магическую академию, а учиться вовсе не хочется? Отсюда невозможно вылететь и даже смерть не является оправданием? Да ну! Я бросила два вуза, брошу и этот! Только для начала избавлюсь от случайно призванного дракона-фамильяра. Застрял в другом мире и стал фамильяром самоуверенной слабой девчонки? Наследному принцу не пристало быть драконом на побегушках! Первый том истории Артамона и Виктории.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Призыв и его последствия	6
Глава 2. Разница в отношении	14
Глава 3. Занимательная физиология	21
Глава 4. Посвящается моей несносности	32
Глава 5. Посвящается Артамону	40
Глава 6. Грызть гранит науки – быстро и со вкусом!	50
Глава 7. Твои тайны в моих объятиях	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Александра Ибис

Фамильяр с подвохом

Пролог

В новом мире не изобрели телефоны. Пожалуй, это то, что расстроило меня больше всего: ни позвонить, ни музыку в любой момент послушать, ни посмотреть что-нибудь несерьёзное в ночи.

В мире, куда я угодила, бодрствовали ночью, а спали днём. Вот этот их режим мне очень понравился – с той только ложкой дёгтя, что вместо того, чтобы ночью смотреть сериалы и есть какую-нибудь вредную, но дико вкусную гадость, приходилось ходить на занятия. Кстати о них...

Я попала в другой мир, потому что меня затащили учиться в их дурацкую ведьмовскую академию! Видите ли, маги – ценный ресурс, и рано или поздно у любого мира он истощается, приходится добывать его извне, даже из безволшебных, серых миров, как родная моя Земля. И мне очень повезло, что я оказалась ведьмой, потому как они выкрали меня из моего скучного мира и приволокли сюда, чтобы я раскрыла свой потенциал и в ответ послужила их дальнейшему развитию. То, что мне повезло, – отнюдь не мои слова! Я как раз-таки считаю, что мне очень не повезло, потому что одно

здешние колдуны и ведьмы не учили – я совершенно не хочу учиться в вузе! Ни магии, ни чему-либо другому!

– Наставник, рано или поздно вам придётся открыть эту дверь, чтобы накормить меня! – крикнула я и несколько раз постучала по тяжёлой дубовой двери кулаком. – И вот тогда я выберусь и отомщу вам! Жестоко отомщу!

Я несколько раз со всей силы пнула дверь ногами, но никто мне так и не открыл.

– Это нарушение моих прав и свобод, как ведьмы! – снова крикнула я. – Ни один обладатель магического дара не может быть ограничен в передвижении в силу полезности его умений по всему миру!

Да, нравилось мне это или нет, но законы нового мира я уже неплохо изучила. То, что я не любила учиться и потому не хотела здесь находиться, отнюдь не значило, что я не умею этого делать.

Однако даже после того, как я блеснула своими правовыми знаниями, дверь библиотеки не отворилась, и меня не выпустили на волю.

– Ну и пожалуйста! – буркнула я. – Всё равно не буду никого призывать! Не хочу и не буду!

Сказала, а сама бросила взгляд на широкий стол, на котором лежала неподъёмная физически книга заклинаний, распахнутая на страницах призыва фамильяра.

Глава 1. Призыв и его последствия

– Печенье, печенье... где здесь глава призыва печенья?! – взывала я, уже два часа как скинув проклятую книгу со стола на пол и листая бесчисленные страницы в поисках глав, которые помогли бы добыть мне еду. Желательно, свежее испечённое печенье прямо из какой-нибудь столичной кондитерской. Глаза побаливали от недостатка сна.

Стоило мне обнаружить, что небо за занавешенными тяжёлыми шторами высокими окнами занялось рассветом, как мне тут же захотелось отправиться на святой ночной (здесь утренний) дождь перед сном. Однако дверь в библиотеку академии оставалась закрыта – спать мне предлагалось прямо на полу или столах, пока наставник не добьётся от меня, чего требуется. Как он считает, требуется мне. Я же считаю, что только ему.

– Призыв демонического паука, призыв ядовитой мухи, призыв... Божечки, тут есть кто-нибудь не такой противный?!

Я стукнула ладонями по страницам и перевернулась с живота на спину, раскинув руки в стороны. Устилавшие полы у рабочих столов меховые шкуры и разожжённые каминные сохраняли некоторое тепло в помещении, однако мне всё равно хотелось забраться под одеяло, на роль которого студенческая мантия годилась слабо. Как и книги на роль поду-

шек, будь они хоть сто раз с мягкой обложкой! Да и их всё равно не достать: мне ограничили доступ ко всем шкафам, включив дневную защиту помещения от наглых студентов и не менее наглых преподавателей перед тем, как кинуть тут. Все учебные пособия просто окружены невидимым защитным барьером.

Перекатившись, как сосиска, убегающая от вилки в кипящей кастрюле, я снова оказалась над книгой заклинаний.

– Не может в таком огромном сборнике заклинаний не быть ничего про добычу еды! – с остервенением переворачивая страницы, я постучалась по ним головой. – Я же голодная не усну! Хочу булочки с корицей! С пылу с жару булочки с корицей! И карамелью! И чтобы они прилетели вот прямо сюда, вот прямо сейчас, вот в эту самую секунду!

Имея дурную привычку возмущаться вслух, я ещё и отчаянно жестикулировала, поцарапав себе отросшими ногтями ладони до крови. И поняла я это только тогда, когда увидела, что на странице, по которой я молотила рукой, осталось кровавое пятнышко... Прямо на рисунке призывного круга...

Быстрее, чем я успела среагировать или сказать «Ой-ой», пентаграмма вспыхнула золотым светом, который столбом вырос до потолка и, потолкавшись в преграду защитных чар, прожёл крышу и взвился дальше, в небеса, в само межмировое пространство, что на Земле считалось космосом.

– Нет, нет, стой! – я попыталась убрать руку от рисунка, но рука будто прилипла к книге, а ранки на ладони расшири-

лись, чтобы моя кровь смогла полностью очертить призывной круг. Это было скорее неприятно, чем больно, кожу щипало, подступила тошнота, сознание грозило покинуть меня и раствориться в межмирье.

И тут всё резко оборвалось: луч света растворился, рука оторвалась от страницы. Камин и свечи... потухли. Шторы... задёрнулись сами по себе, погружая библиотеку в непроглядный с непривычки мрак. Я прижала к груди раненую руку и пробормотала:

– Вот только не надо мне тут этой темноты, как в фильмах ужасов! Нечего меня пугать! И вообще, я любым гостям без еды не рада, так и знайте!

Разряжая тишину собственным голосом для смелости, я двинулась в сторону окна, но запнулась о шкуру и полетела вперёд, в последний момент подставив руки, чтобы не разбить себе нос при падении. Причём, я была уверена, что прежде шкуры именно на этом месте не было!

– Ха-ха, смешно, обхохочешься! – храбрысь, продолжила я говорить с темнотой. – Заражение крови – как будет весело!

Не то чтобы оно мне грозит: сколько в детстве коленки и руки обдирала, пока училась кататься на роликах и велосипеде или делать кувырки на турниках разной высоты и надёжности. И ничего, живая, здоровая, всё такая же активная и очень злая! В худшем случае магическая медицина творит чудеса, оправдывая своё название.

Дойдя до окна, я дёрнула шторы, но те ни в какую не поддавались, словно их кто-то удерживал на месте. Но я же упёртая, я не сдаюсь так просто!

– Думаете, мне страшно, да? Подумайте лучше!

Я дёрнула ещё раз. И ещё. И...

– АААААА!

Тяжёлая штора затрещала, явно не от силы, которую я приложила, а от потусторонней фигни, и упала бы на меня, если бы я вовремя не отпрыгнула. Другая, тем временем, всё равно закрыла мне весь обзор наружу.

– Не знаю, кого я призвала, но вы явно не булочки с корицей, так что проваливайте! Слышите? Знаю, что слышите! – я погрозила кулаком в пустоту. – И верните мне свет!

И тут рука, которая невольно использовалась для призыва, загорелась. Буквально!

Первым порывом было закричать, что я, в общем-то, и сделала. Вторым – попытаться потушить огонь, но воды под боком не было, потому я просо нервно стряхивала с ладоней язычки пламени, как какую-то налипшую на них пыль. Лишь после того, как моя не загоревшаяся рука коснулась загоревшейся, а разницы я никакой не почувствовала, мозг взял контроль над эмоциями. Удалось сообразить, что мне вовсе не больно, что даже ранки – и те болеть перестали. Заживо не горела. По крайней мере, я этого не чувствовала.

– Да уж, совсем не так я себе представляла сожжение ведьмы на костре, – дар речи вернулся, пока я осматривала пыла-

ющие пальцы, поднесённые к самому лицу. Зрительная галлюцинация?

– Давно без суда не сжигают, – прогрехотало в библиотеке отовсюду. – А жаль...

Теперь ещё и слуховая?!!

– А с судом типа сжигать можно? – поинтересовалась я у рычащего голоса.

– Типа, – презрительно повторил голос, – тоже нельзя, если только человечек в защитные чары сокровищницы не угодил. Это случаем не сокровищница? – деловито уточнил он.

Я огляделась по сторонам, не обращая внимания, что рука у меня, вообще-то, всё ещё горит!

– Сокровищница, – с важным видом повторила я и вскинула палец на профессорский манер. Пламя занялось вокруг книги заклинаний, словно одного только места неизвестной призванной жути было достаточно, чтобы решить меня угробить. – Сокровищница знаний! Библиотека, иначе говоря. Так что сжигать меня нельзя, неведомая ты хтонь!

– Это я-то неведомая хтонь? – прогремело недовольно.

– Ну не я же! Прекрати греметь, ты же не гром!

– Как не ты, если как раз-таки ты, иномирная ведьма! – прорычало это нечто и вдруг вздохнуло. – Ты даже не знаешь, кого призвала, да?

– Почему же не знаю? – спросила я, а сама непринуждённо двинулась к лежащей на полу горячей книге, чтобы посмотреть, кого моя кровь в мир притащила.

Пламя будто намеренно разгорелось сильнее, чтобы ничего не смогла разобрать.

– Правда, знаешь? – издало нечто полурык-полухмык.

– Конечно, знаю. Я призвала тебя! Логично же? Логично!

Своего собеседника я не видела, но по тому, как мигнул огонь на ладонях и книге, отчётливо представила, что он закатил глаза. Зато грохотание его голоса слышала превосходно:

– Ведьмы! Везде одинаковые!

Проявив благоразумие, я промолчала. Да и не поспоришь с ним: мне самой ведьмы не слишком нравились. Как и колдуны. Как и один конкретный наставник, заперший меня в библиотеке постигать мастерство призыва. Так что зачем что-то говорить?

– Даже ничего не возразишь? – искренне удивился пришелец, когда и несколько минут спустя слов от меня никаких не дождался. Должна признать, что впечатление самого тихого человека во всех мирах я стопроцентно не производила.

В ответ дракону согласно покивала головой, мол, не-а, ничегошеньки не возражу.

– Поразительно... – совсем растерялась моя(ну да, уже моя) неведомая хтонь. Пророкотала потерянно, обескураженно: – Слишком сильно стукнулась, когда о ту шкуру споткнулась, да? Так ты вроде не головой ударялась... Ручки подставила свои. Впрочем, они же хрупенькие у тебя...

Меня завуалированно называли пришибленной.

– Вот так и соглашайся с вами, неведомыми хтоньками! – выразила я своё возмущение. – Раз согласишься – и тебя уже стукнутой сочтут!

– О, голос подала, – будто бы обрадовалось призванное нечто, так, что даже не обратило внимания, как именно я его снова назвала. – А чего до этого молчала?

– Так может ты прав? Если в твоём мире тоже есть ведьмы и они похожи на здешних, то, значит, все одинаковые, – я вздохнула.

Пришелец задумался.

– Говоришь так, будто не отсюда, – заключил он.

– Так я и не отсюда. Как и ты.

Он снова задумался.

– И как тебя зовут? – миролюбиво поинтересовался недавний кошмарик.

– Ещё бы я имя своё непонятному существу не называла! – уперев руки в боки, с угрозой посмотрела куда-то в потолок, потому что лица(или что там у него вместо лица) нигде не было видно.

– Знаешь, столько оскорблений, сколько я уже получил от тебя, ни один дракон так долго не терпел, – прорычало нечто.

– Так ты... дракон? – ой, мама, так вот откуда огонь. – А вы разве вообще, как фамилльяры, призываетесь? Высшая раса, всё-таки...

– В том-то и дело, что не должны. Уже давно от вас защитными чарами закрылись, настырных! Но ты как-то вытаци-

ла! – дракон вновь разозлился.

Огонь вокруг ещё раз взвился к потолку и погас, оставив как книгу, так и мои ладони, целыми и без ожогов. Оставшаяся на месте штора отодвинулась, впустив в библиотеку солнечный свет. Сразу же вспомнилось, что мне перед призывом очень хотелось кушать.

– Так как тебя зовут? – повторил мой невольный фамильяр свой вопрос.

– Вика, – представилась я. Подумала, что как-то несерьёзно. – В смысле, Виктория. А тебя?

Он... судя по звуку, выпустил дым из ноздрей, а после и вовсе материализовался предо мной в форме огромного золотого дракона, чья макушка буквально упиралась в свод библиотеки.

– Артамон, – рыкнул дракон, протянув мне лапу. За грубыми звуками смутно различался достаточно молодой мужской голос.

Учитывая разницу в габаритах, я сумела обхватить лишь острый коготь призванного фамильяра. Желудок неприятно заурчал, и, прокрутив в памяти, каким образом я вызвала дракона сюда, я поинтересовалась:

– Слушай, а у тебя, случайно, нет с собой булочек с корицей?

Глава 2. Разница в отношении

Странное дело, но булочки с корицей(и ещё с карамелью!) у моего призванного дружочка-пирожочка действительно нашлись, а с ними и разговор пошёл гораздо лучше и как-то душевнее. С едой вообще всё идёт гораздо лучше, от учёбы до разработки плана по завоеванию Вселенной. Правда, когда я предложила дракону подумать о подобном, он не был впечатлён.

– Это сколько недовольных будет, – проворчал Артамон. – И всех их не сожжёшь: либо править некем останется, либо на место старых бунтовщиков таким режимом придут новые, и всё равно править некем останется.

– Ну, так, а если не сжигать? – спросила, облизывая пальцы, липкие от карамели. Кто бы в его мире не приготовил этот шедевр кулинарного искусства, я бы расцеловала его в обе щёки. Кого угодно, пусть даже маленького и страшного гоблина, если у него ручки такие золотые!

– А если не сжигать, то на себя времени вообще не останется, – равнодушно рассудил Артамон. – Пока выслушаешь одних, недовольны будут уже другие. И учесть пожелания и стремления всех невозможно, уж точно не в масштабах Вселенной. Сколько империй гибло из-за халатности правителей? Из-за поддержки одних в ущерб другим, притом, что выбор оказывался неверным? Так что извини, куколка,

но Вселенную завоёвывай как-нибудь без меня. Ты в любом случае будешь делать всё без меня, потому что я тебе не дракон на побегушках.

– Беее! – я показала ему язык. После того, как эта огромная туша столь нудно что-то объясняла, бояться его стало сложно. – Скучный какой!

– Тебе два или двадцать два? – закатил медово-карамельные глаза дракон. Он пытался поправить меня, что они скорее янтарно-медовые, но я, у которой на уме была одна только еда, лучше знала!

– Вике достаточно, чтобы понимать, что в жизни должно быть какое-то веселье, а ты звучишь, как редкостный зануда, – наигранно детским голосочком протянула я.

Однако что бы там ни говорила вслух, про себя я считала Артамона приятным и на редкость умным собеседником. Он очень много знал о музыке, живописи и театре, о государственном управлении и магии, об архитектуре и даже о дамских сумочках! На языке этого мира дракон, как и я, говорил с акцентом: законы межмирья, позволявшие одарённым магией понимать друг друга, в какой бы мир ни угодили, не стирали различия в произношениях. Для Артамона я звучала твёрдо, но мелодично, а он для меня – с низким мягким хрипом и рычанием.

– А сколько тебе лет? – спросила, откладывая выданную им пустую коробку со сладостями подальше. – Драконы, говорят, живут долго...

– Мне двадцать пять.

Я подавилась воздухом.

– Что?

– Что такое? – не понял моей реакции Артамон.

– Тебе всего двадцать пять, ты дракон – и никаких мечтаний о мировом господстве?! Это что такое? Это же надо исправлять!

– Ешь свои булочки! – огрызнулся мой огромный собеседник.

– Они закончились.

– Тогда помолчи, пока я пытаюсь притянуть чарами другие.

– Так говорить или молчать? Ты можешь определиться, что тебе больше нравится?

Артамон вздохнул.

– Мне нравится, когда я отдаю приказы, а их исполняют. Идёт?

– Не-а, это же ты тут фамильяр.

– Ненадолго!

Морда Артамона была поднята слишком высоко, чтобы на ней можно было рассмотреть какое-либо эмоциональное выражение. Однако что-то было в его короткой фразе. Что-то, кроме раздражения положением, в котором мы оба очутились... по вине наставника, конечно же. Не по моей же глупости, если учесть то, что будь моя воля, я бы вообще эту книгу заклинаний никогда не трогала?

Однако в глубине своей не самой доброй души я всё же испытывала вину, потому сделала настолько участливые лицо и голос, насколько это было возможно с моим эмоциональным диапазоном:

– Я оторвала тебя от чего-то важного, да?

Артамон рыкнул. Похоже, это было «да».

– Дело не в том, что происходит дома прямо сейчас, – снизошёл до пояснений он. Причём, снизошёл в буквальном смысле, так как вытянул лапы вперёд и улёгся на них, глядя на меня. – Дело в том, что произойдёт, если я не вернусь в скором времени. У меня, знаешь ли, много обязанностей.

Его речи оказались мне болезненно знакомы и вызывали отторжение.

– Знаешь, ты звучишь, как человек, который помешан на контроле над ситуацией. Что случится, если ты задержишься со мной, ну, скажем, на месяц? Рухнет пара-тройка государств?

– Да, – ни на секунду не задумавшись над ответом, не усомнившись, ответил он.

– Ой, да брось! – раздражённо подняла ладонь, как бы демонстрируя знак «Стоп!». – Твой мир уж точно не вертится вокруг тебя одного и не на одном тебе держится! Иначе бы я не сумела тебя призвать...

– То, что ты безответственная девчонка, не значит, что все должны тебе соответствовать! – добродушие дракона решило удалиться. Мы снова ругались.

– То, что ты помешанный и переживающий обо всём малолетний дракон, возомнивший себя стариком, не значит, что ты не преувеличиваешь свою роль в жизнях других! – кричала и распалялась я. – И вообще, фамильяры похожи на тех, кто их призывает! Так что успокойся и расслабься хоть ненадолго, потому что я именно это и делаю по жизни! Толку всяко больше, чем постоянно быть в обязательствах!

Как выяснилось, в одном мы с моим новым другом совсем не сходились.

– Что значит, я должен притвориться кем-то менее существенным? – обдал меня дымом из ноздрей Артамон. И если драконий огонь не жёг мои вещи и конечности, то от жара и едкого запаха мне спасения не было.

В конце концов, в нашей ругани мы дошли и до данной животрепещущей темы. Пока что в библиотеку никто не нагрязнул, но с проверкой пожалуют и обнаружат, что я выполнила, что от меня требовалось. Да ещё и с невероятным успехом – ни жаба, ни сова, ни кот, а сразу высшее существо в фамильяры призвала! Какой плюс в мои учебные успехи, который мне будет очень трудно перекрыть минусами!

– То и значит! Ты можешь сделаться хотя бы поменьше? Чтобы походить не на дракона, а хотя бы... не знаю, в природе твоего мира водятся летающие ящерицы? В природе моего вроде водились...

– Летучие драконы крошечные! Я не стану унижаться больше, чем сейчас, притворяясь какой-то букашкой! – он

упёрто скрестил лапы перед собой, постучал когтями по полу и посмотрел на меня злым взглядом.

– Глазами пока не прожигашь, не старайся! – я храбрилась, но всё же отступила немного. – Слушай, вот ты вроде такой умный-заумный, а ради собственной безопасности прикинуться кем-то слабым не можешь.

– Мне не нужно притворяться слабым, чтобы быть в безопасности! – обозлённо пояснил дракон. – Я не могу устранить тебя, призывательница-недоучка, но вполне могу дружить.

– Устранить? Меня не можешь? Имеешь в виду... – кажется, недостаток сна на мне сказывался гораздо сильнее, чем я подозревала. Оно и понятно, ухода в мир сновидений после дозора ведь не последовало. – Так, стой! Давай пока не будем никого устранять!

Впрочем, жизнь без наставника меня весьма привлекала... Только, пожалуй, всё же не в том случае, где я несу ответственность за его безвременную кончину!

– А как же мировое господство? – усмехнулся этот... умный дракон.

– Ты сказал, что тебе это не интересно – я уважаю это твоё желание.

– Я сказал, что не стану притворяться каким-то слабаком – уважай!

– Кошмарик, что-то ты оборзел! Я сказала, что уважаю это, то есть одно желание, а не все, что ты озвучиваешь! –

пара шагов вперёд – и вот я снова в опасной близости от драконьих зубов. Впрочем, такой ли опасной, когда он проболтался, что не может мене, хе-хе, устранить?

– В таком случае, я не уважаю ни одного твоего желания и исполнять их не собираюсь, – он отвернулся от меня и, расталкивая книжные шкафы, пошёл в дальний конец библиотеки, махнув хвостом на прощание. Меня, в отличие от всего остального, не задел, но ясно дал понять, что обиделся и сотрудничать не хочет.

И всё-таки правду в книгах пишут, что призвать, как фамильяра, можно только то существо, которое схоже с тобой по духу.

– Ну, может, ты хотя бы иногда облик менять можешь? В таком виде ты не поместишься у меня в комнате при всём желании, и мне придётся выгнать тебя спать на улицу! – не то чтобы я собиралась успокаиваться.

Глава 3. Занимательная физиология

Птички пели снаружи весёленькие песенки, пока не наступила тьма и не вылетели из укрытий их более печальные ночные собраты. Ночные летуны нравились мне больше: их песни иногда напоминали басы и крики. Ветерок пробирался в дыру, оставленную в потолке лучом призыва. Потрескивали поленья в камине. Я знала, что их докинул туда Артамон ловкой когтистой лапой.

– Хэээээй... – уныло протянула, покачивая свешенной с высоты рукой. Нога, согнутая в колене, неприятно ныла.

Дракон действительно не мог причинить мне вреда, с той только поправочкой, что лишь прямого физического. Непрямой физический и психический вред он мне причинять приспособился, в результате чего несколько часов спустя я воспринимала себя не иначе, как выжатым лимоном.

– Ну, поговори со мной! – канючила я. – Или спусти со шкафа!

Никакого ответа. Я глядела в свод, находящийся от меня на расстоянии вытянутой руки в положении стоя, и умирала со скуки.

– Не хочешь спускаться, подними мне сюда какую-нибудь книгу! – предложила, так как переговоры с чудовищем пока

что были моим единственным вариантом побега со шкафа. Ха, побег со шкафа – звучит, как начало очень тупой шутки. – Уверена, когда ты хвостом махал, разрушил защиту на полках. Ты ведь гораздо сильнее здешних колдунов, да? Такой могучий дракон, наверное, их магию даже не заметил.

Увы, но даже откровенная лесть, приправленная восхищением сквозь усталость, не проняла Артамона Жестокого: он продолжил лежать в дальнем тёмном углу, свернувшись калачиком, и игнорировать меня. Более того, он смел сладко посапывать, когда я расстаралась быть с ним любезной!

– Я есть хочу, – завывала так, что сама уже не различала, была искренна или нет. – Я пить хочу! Я домой хочу! Я... хочу справить нужду!

Из угла донеслось громкое обречённое рычание, побудив меня с надеждой приподнять голову и принять такое лежачее положение, при котором будет удобно смотреть на дракона.

– Ты когда-нибудь затыкаешься? – заспанно поинтересовался Артамон.

– Когда сплю – точно, – поразмыслив, кивнула я.

– Вообще-то я положил тебя на шкаф именно для того, чтобы ты заснула, – медово-карамельные глаза открылись так медленно, что я увидела, как смыкались-размыкались вторые вертикальные веки под горизонтальными. Мне нестерпимо захотелось потыкать в это чудо драконьих глаз пальцем.

Не подозревая о моих бессовестных желаниях, Артамон

продолжил:

– Тем более что в данном мире как раз время сна.
– Откуда знаешь? – полюбопытствовала.
– Уже успел прощупать грани пространства после перемещения. Кстати, приземление здесь ты мне обеспечила жёсткое.

– Я, правда-правда, не хотела тебя призывать, – пустилась в извинения. – Сними меня уже отсюда, пожалуйста.

– Сейчас, подожди немного, – прорычал дракон. – Я, наконец, привык к здешнему ощущению магии.

Что означали его слова мне довелось узнать довольно скоро: когда золотое тело поднялось, изогнулось, насколько позволяло маленькое для него пространство библиотеки, и преобразилось в...

– Ох, ты ж мать честная! – воскликнула я, подскочив на шкафу. – А ты сможешь сделать мне массаж?

Язык мой – враг мой... Потому что едва мне удалось разговаривать Артамона, как он снова затих, разве что теперь мне было чем заняться: рассмотреть его новый горячий облик. Только горячий не в прямом драконьем смысле, а в переносном – знакомом человеческом. Потому что дракон перевоплотился в человека!

Внизу, на том месте, где дремало величественное создание, стоял молодой мужчина в красных одеждах. С высоты моего положения, не имея возможности прикоснуться к ткани, я всё равно оценила дороговизну его рубашки, ткань ко-

торой выглядела плотной, как бархат, и блеск пуговиц, на которые должны были цепляться пришитые петельки. Рукава рубашки были закатаны, как если бы ему было жарко, и открывали бледные руки с длинными пальцами. Не слишком накачанные, как мне и нравилось. Волосы у Артамона были золотые и длинные, собранные в косу. Послушанием они не отличались: пряди спадали на лицо, выбивались из плетения и вились.

– Да ты красавчик, Артамон! – одарила я комплиментом своего очеловечившегося фамильяра. – Теперь принципиально буду называть тебя, как угодно, но не кошмариком, даже когда снова станешь большим и крылатым!

Артамон поднял на меня практически не изменившиеся глаза.

– Почему ты спросила про массаж? – часто хлопая светлыми ресницами, спросил дракон.

Я немножечко засмушалась и отвела взгляд.

– Ну, мне очень нравится, когда мне делают массаж, но уговорить кого-то его сделать сложно. Встретаться с кем-то или выходить замуж только ради того, чтобы у меня появился массажист, я не горю желанием, деньги на массажистов тратить тоже не хочется, я не миллионер, а ты вроде как теперь рядом, привязан ко мне и руки у тебя наверняка сильные... Так ты сделаешь мне массаж?

Пришлось повернуться, чтобы увидеть выражение лица мужчины после моих объяснений. Он тёр переносицу, будто

не знал, смеяться ему или плакать.

– Нет, – покачал головой дракон. – Это неприлично.

– Да чего такого-то? Я же даже не из твоего мира, да и в постель к себе не тяну! Никто не узнает, что ты просто помог мне с больными шеей и спиной!

– А они у тебя больные?

– Я с Земли. Они там у всех сейчас больные, – фыркнула я.

Артамон вдруг напрягся, после чего из-за спины у него выскользнули золотые с рубиновыми прожилками крылья. Я ахнула от восторга. Он взмахнул ими и, взмыв в воздух, вскоре оказался напротив меня и шкафа, на котором я стояла. Протянув руки, чьё тепло на моей талии я ощутила даже сквозь рубашку и мантию, он ухмыльнулся:

– Ты хотела спуститься, Виктория?

– А с какой скоростью ты можешь летать в этом обличье?

Небо за окном стало багряным, как осенние листья, коих становилось всё больше на дорожках с каждым днём. Артамон, возмущённый моей беспомощностью, но не удивлённый, после того, как буквально преодолел грани миров, легко мысленно преодолел расстояние до ближайшего города и притащил нам магической почтой целых четыре сытных пирога. Когда они рухнули в руки Артамона из сгустившегося воздуха, я решила, что он обязан научить меня этому, на что он заметил, что вряд ли я буду платить, если буду поль-

зоваться магопочтой, как он. Мол, не похожа я на честного человека. Но я дуться не стала – пахло притащенное восхитительно!

– С той же, с какой в драконьем, если покроюсь чешуёй и правильно наложу защитные чары, – ответил Артамон. Для приёма пищи он предпочёл сесть за стол, никак не тронутый его действиями в драконьей форме, и меня заставил кушать там же. Странно, что ещё столовые приборы не притащил, хотя пироги гораздо удобнее есть руками!

– А с какой максимальной скоростью ты можешь летать в драконьем виде? – опять же, я не расстраивалась, ибо глядеть на это чудо чудесное, диво дивное, и думать о его возможностях было для меня гораздо более увлекательным занятием.

– Триста сорок километров в час. Плюс десять, если критически важно оторваться.

Я подавилась соком, который мой фамилльярчик тоже доставил откуда-то. Артамон вовремя успел накрыть пироги крышками от их плотных картонных коробок. И себя, конечно же, обезопасил салфеткой.

– Серьёзно? Как гоночный автомобиль?! – я пыталась представить: автомобиль внизу, дракон наверху, мчатся с одинаковой скоростью. Картинка выходила безумная. – А меня сможешь покатать?

– Только если смертельно на такой-то скорости и высоте, где она развивается, – если судить по усмешке, мысль о моём

последнем полёте его привлекала.

– А если наложить те же чары, что ты накладываешь на себя?

– Тогда могу. Но хочу ли?

– Захочешь! – я узнала, что требовалось. Меня могут прокатить на скорости гоночного автомобиля на высоте истребителя. Это ли не круто?! – А можно превратиться в дракона? Ну, с помощью зелья?

– В вашем мире можно? – скепсис в его коротком вопросе хоть ложкой жуй.

– В моём мире вообще магической науки, как таковой, сейчас нет.

– А в этом?

– А в этом я до таких тем ещё не доходила. Мы вообще драконов пока не то чтобы изучали.

– Минутка просвещения: нет, нельзя. С драконьим геном надо родиться, – снова включил зануду Артамон.

– То есть у дракона и не-дракона может родиться дракон? – и зря включил, потому что я своё любопытство не выключила.

– Да. Дракониий ген – доминантный.

– То есть у нас с тобой получился бы дракончик?

– У нас с тобой никто бы не получился.

– Почему?

– Потому что я бы не захотел.

– То есть ты можешь управлять желанием завести детей? –

ахнула, не донеся кусок пирога до рта.

– Да. Просто не спать с теми, кто мне не нравится.

– А вот это обидно!

– Каков вопрос – таков и ответ.

Я немного пожевала, тем самым давая передохнуть и формулируя следующий вопрос. У меня их хватало.

– А у вас вообще всё нормально, когда вы в виде людей? В смысле, всё, как у людей, вообще-вообще всё?

– А ты точно человек, а не оружие массового уничтожения? – вымотанный, он блеснул в мою стороны яркими глазами и повернул голову под таким углом, что я не удержалась. Ляпнула:

– Ты красивый.

– Ты тоже.

– Что?! – а вот такого я никак не ожидала!!!

– Какой новый вопрос!

– Ты сказал, что я красивая, – я обвинительно ткнула в сидящего напротив драконьего мужика пальцем.

– Ты тоже.

– Да, но я говорила не в первый раз. И искренне.

– Я тоже был искренен.

– Ранее ты сказал иное! – напомнила про то, что у нас ничего, по его словам, не получилось бы.

– Ни одно моё слово не противоречит другому, ты, чудовище! – только вот Артамон не думал вспоминать.

– Ага, а сейчас ты меня чудовищем обозвал!

– Я констатировал факт твоей невыносимости! То, что мне нравится на тебя смотреть, не отменяет, что характер у тебя дурной! – дракон устало отложил салфетку и отодвинул коробки, чтобы смотреть на меня с другой стороны стола без малейших преград.

– Тебе... нравится на меня смотреть?

Тишина повисла неловкая, как при желании пожрать в три часа ночи и обнаружения в холодильнике одной только вчерашней мокрой и не особо аппетитной запеканки. Я пощёлкала пальцами перед лицом зависшего драконьего пришельца.

– Виктория вызывает Артамона, приём! Я намереваюсь прямо сейчас залезть к тебе на спину и проверить твою грузоподъёмность!

Не то чтобы я уже не знала, что с ней у него всё в порядке: он держал меня за талию едва не на вытянутых руках, летел и не морщился, когда служил моим лифтом со шкафа.

– Только попробуй! – угрожающе прошипел дракон.

– Но тебе же нравится на меня смотреть! – поддела я с преувеличенной игривостью.

– Особенно – когда ты молчишь, – прорычал Артамон.

Я улыбнулась широко, и ничего не сказала.

– Всё? Вопросы закончились?

Моя рука же, тем временем, тянулась к коробке с пирогом и притянула её к себе.

– Правильно, ешь, – выдохнул дракон.

– Потому что тебе нравится на меня смотреть, когда я молчу? – хихикнула я.

– Будешь нормально есть, если я подтверждаю?

Будем считать, что я намерена солгать во благо. Своё.

– Ага, – часто закивала.

– Именно так, как ты предположила. Мне не доводилось встречать девушку красивее. Ты настоящая. Немного напоминаешь мне мать: она тоже светловолосая и взбалмошная, но ей взбалмошность прощается, так что не обольщайся. А ещё у тебя бесстрашные глаза, золотисто-зелёные и гармоничные, как изысканные украшения. В древности подобных тебе девушек звали сокровищами и крали, чтобы защищать в самой высокой башне.

Артамон озвучил свои мысли обо мне на одном дыхании. И растерянность, должно быть, расчертила лица нас обоих. Его – потому что он выложил то, что выложил. Моё – потому что никто и никогда не говорил мне таких вещей. Ни в одном вузе, ни в одной школе, ни от родителей, ни от родственников я не слышала столь откровенного восхваления себя. Столкнувшись с подобным, я не знала, как правильно отреагировать.

– Разумеется, я знаю, что чертовски хороша! – бросила я, отвернувшись, чтобы потереть пылающие щёки ладонями. – Зачем мы, кстати, говорим об этом?

– Ты издеваешься, да? – Артамон приложил немало сил, чтобы не вспылить – кулаки напряглись, но ему это уда-

лось! – Предки послали меня сюда, чтобы подготовиться ко всему, не иначе.

Ой, зря он бросил последнюю фразочку! Очень даже зря... Ибо я почти забыла о том, что намеревалась сделать, когда потянулась к коробке, а он так удачно напомнил о том, какая я по жизни зараза!

Прихватив в руку кусок пирога, я швырнула его прямо в симпатичную мордашку дракона.

Глава 4. Посвящается моей несносности

Забавно пробегать через огонь и понимать, что он совсем не жжётся. С одной стороны, страшно, ведь инстинкт самосохранения никто не отменял: даже в видеоиграх пламя жрёт жизнь так, что можно лишиться всей шкалы очков здоровья разом, попутно крича как резаный. С другой, осознание того, что нечто столь опасное для меня нисколько не опасно, что я могу видеть мир в огне, но не задыхаться и не гореть, что так легко могу усилить удовольствие от игры, в которую втянула Артамона, превратив её из обычного швыряния едой в экстремальное развлечение, пересиливало здравый смысл.

– Юхууууу! – я с криком перепрыгнула через горящий обломок шкафа.

– Грррр.... – а позади меня когти скребли камни старого замка, служащего пристанищем ведьм и колдунов.

– Ух! – я поднырнула под арку из двух навалившихся друг на друга шкафов и показала язык дракону, хотя он вряд ли мог рассмотреть мою гримасу в своей-то ярости.

Артамон махнул лапой – пришлось рвануть вперёд и снова огибать библиотеку по кругу: прихватив со стола последний кусок пирога в качестве снаряда. Помимо того, что мы кидали друг в друга обед(завтрак, ужин, как это правильнее

будет называть?), мы ещё преодолевали полосу препятствий! И, надо сказать, бегала я так быстро, что меня похвалили бы все учителя по физкультуре, не поверив, что я так, оказывается, умею! Я не была в восторге от бега, но склонность к азарту и виртуозной игре на чужих нервах имела!

– Ай-ай-ай! – я заболтала ногами, без особого страха, потому что была слишком возбуждена, и наблюдала, как пол уходит из-под ног.

Я ожидала атаки со стороны лап, коими меня пытались схватить, рук, коими тоже ловили в самом начале забега, пока не решили, что внушительный размер запугает и деморализует меня сильнее, чем человеческая проворность и красота мужского обличья, но вот чего я не ожидала, так это того, что меня схватят за шкурку... зубами. Артамон решил воспользоваться преимуществами своей длинной шеи! И теперь я барахталась в жаре, исходящем из его пасти, и покачивалась, как одежда, вывешенная на прищепку на улице!

– Фу, и тебе не противно меня в рот брать?! – мой язык всё ещё был моим врагом. И другом, способным навредить кому угодно. – Тебе так хотелось доесть тот пирог?!

Мудрецы говорят, что быстрые ноги леща не получают. Я же посчитала, что в моей ситуации уместнее озвучить другую мудрость:

– От острой еды можно получить несварение желудка! Язык у меня острый, ведь правда же? Поберегись!

Хотя скушать меня дракон не мог, так как это означало на-

прямую навредить мне. Столь обнадеживающая мысль привела к другому вопросу:

– Слушай, а что с тобой случится, если ты попытаешься от меня так избавиться? Ну, если предварительно меня никак не ранишь?! Взорвёшься, как воздушный шарик? Стой, а ты вообще знаешь, что такое воздушный шарик? Вдруг их нет в твоём мире... Хотя, наверное, знаешь, ты же уже показал, что невыносимый всезнайка!

Артамон выронил меня из зубов, но не на пол, а в подставленную лапу. Обеспечив мне вполне себе мягкое приземление, дракон сел почти по-человечески, прислонившись спиной к стене. Уложив хвост кольцами вокруг себя, Артамон потребовал:

– Признайся, тебя из твоего мира не похитили, тебя твой мир отдал сюда, завернув в подарочную упаковку!

– А ты мне попался тогда из-за того, что всех достал своим гиперболизированным чувством ответственности? – парировала я.

– Я тебе не попадался!

– Меня никто не сдавал.

Мы тяжело выпустили воздух.

– Вот и зачем ты всё это устроила?

– Захотелось, – я пожала плечами.

– И ты всегда делаешь всё, что тебе хочется? – язвительно долетело из пасти Артамона.

Чтобы ответить, я запрокинула голову так, что у меня тут

же заболела шея:

– Ага.

Дракон усмехнулся в неверии.

– В библиотеке ты заперта, потому что захотела? В другом мире ты, потому что захотела? Мы с тобой оказались связаны, потому что ты захотела? Невозможно делать всё, что хочется.

Я цыкнула. Умный, внимательный, запоминающий каждое слово огромный чёрт. Черти ведь тоже из другого мира.

– По крайней мере, преимущественно я делаю, что хочу.

– И это приносит пользу?

– Это меня радует!

– То есть тебя радует быть зажатой сейчас в моём кулаке? – он показательно чуть стиснул меня между когтистыми пальцами.

– Нет, но мне нравилось тебя бесить и убегать!

– Я не могу позволить тебе погубить меня, – произнёс Артамон с давящей серьёзностью.

И тут заскрипела дверь библиотеки.

Ночь. В комнате не горел свет. За стеной слышались крики и звуки разбитого стекла. Кровать была тёплой, окно на улицу – закрытым. Шумели в квартире, а не за её пределами. Но я не вмешивалась. Я не могла вмешаться, потому что ничего не могла изменить. Однако уже тогда, лёжа в кровати, я знала, что смогу изменить что-то, лишь когда стану взрос-

лой.

Утром на холодильнике красный след – это засохшее варенье из разбитой банки, чьи осколки найдены мною в мусорном ведре. Напоминало запёкшуюся кровь. Я собиралась в школу: портфель заранее заготовлен, домашнее задание выполнено на отлично, ведь мне даже не нужно подтверждение учителей, я и так знала, что всё правильно. Я ела печенья на завтрак и запивала их горячим чаем, пока смотрела утренние мультики.

Я была хорошим ребёнком.

Я была удобным ребёнком.

Я была понимающим ребёнком.

Я была... беспомощной.

В конце того года я получила похвальный лист в школьном актовом зале. Но было ли меня когда-нибудь за что хвалить?

Из темноты ко мне протянулись руки.

– Проснись, – позвал голос Артамона.

Я приподнялась на локтях, найдя дракона в его человеческом обличье на соседней кровати. Он переоделся в форму академии: рукава закатаны, верхние пуговицы расстёгнуты, мантия валяется на стуле поверх моей.

Я всё ещё не отошла ото сна.

– Сколько времени?

– Уже стучали и сказали, что выходной тебе дали всего один. Успешный призыв фамильяра не освободил тебя от

учёбы навсегда.

– Вот как... – голова ощущалась чугуновой.

– Ты в порядке? – я заметила, что голос Артамона подозрительно мягок.

– Более чем, – отмахнулась и нацепила улыбку. – Кстати, пары мы прогуливаем. Зря будил только.

– Я будил тебя не из-за занятий, – дракон встал с заправленной идеально кровати (почему я не удивлена, что она идеально заправлена?) и присел рядом со мной. – То, что тебе снилось... что это было?

Откинувшись на подушки, зевнула:

– Мне снилось много вкусной еды, так что мне впору ругаться, что ты прервал такой восхитительный сон!

– Во время восхитительных снов не плачут.

– От счастья можно плакать, ты разве не знал? – я сощурилась.

– Ты кривилась. А ещё я видел то же, что и ты.

Сердце ухнуло вниз, за что дракон удостоился очень злого взгляда:

– То есть как это – ты видел? – Собственный голос напоминал хрип после долгой неумелой пробежки.

Артамон вздохнул: то ли от того, как его уже всё достало, то ли от того, как его достала конкретно я. Он принялся объяснять:

– Как твой фамилльяр, я стеснён не только ограничениями, запрещающими мне вредить тебе, но и некоторыми преиму-

ществами, чтобы помогать тебе. Поскольку мы связаны магической нитью, протянувшейся через грани миров, а сны – это прослойка между мирами, то во снах наша с тобой связь усиливается, и мне доступно больше. Тебе бы следовало это знать, раз уж всё равно оказалась за чтением книги заклинаний.

– А тебе бы следовало заткнуться! – огрызнулась я, скрывая липкий страх, покрывший тело. Будто мало мне было отвратительного в своей правдивости кошмара, который я пыталась забыть вот уже сколько лет, так теперь о нём знал посторонний слишком серьёзный субъект, который не захочет так легко забыть, чему стал свидетелем.

Артамон осторожно взял меня за запястье и погладил горячими пальцами. Приятные касания призваны были расположить к себе – и располагали, чтоб их.

– Вика, – видимо, продолжая пытаться втереться мне в доверие в моём разобранном на шестерёнки, которые не могли сами собраться, состоянии, дракон обратился ко мне по краткому имени. – Сколько тебе было, когда это происходило? Ты ведь была ещё совсем маленькой?

Я поморщилась:

– Не совсем. Совсем маленькая бы забыла. Я... не забыла.

– Хорошо, ты была не совсем маленькой, – мягким тоном согласился он. – Но ты была ещё девочкой.

– Типа того.

– И тебе было страшно. Потому сейчас ты не боишься ни-

чего.

– Ты решил поиграть в моего психолога? – мне казалось, будто он копается у меня во внутренностях, причём так осторожно, умело, что я готова была сломаться под его уверенным напором. – Так давай-ка я тоже полезу в твоё прошлое! Кем ты был в своём мире, а?!

Артамон отпустил моё запястье и улыбнулся горько, не задетый моим выпадом, продолжающий глядеть прямо в душу. Одна ночь(день) – и он уже видит во мне какую-то другую девушку! Причём не ночь любви после первого свидания, будь она ею, то мне бы не было сейчас так до слёз обидно.

– Арти, знаешь, ты просто мастерски оставляешь девушек разочарованными по утрам... хотя в этом мире по вечерам, но ты меня и так понял!

Глава 5. Посвящается Артамону

Как бы сильно Артамону ни нравились подарки его матери, он никогда не понимали их значения именно в том виде, в котором она их делала. Поверхностно – всё просто: подарили еду – съешь её, подарили одежду – носи её, подарили кольцо – нацепи на палец. Но, стоило лишь немного задуматься об этом, как все подарки просто теряли смысл!

Меню императорского дворца составлялось заранее и одобрялось именно его матерью-императрицей: она на месяц вперёд знала, что им будут подавать на завтрак, обед и ужин, потому, если ей хотелось, чтобы Артамон съел в какой-то день что-то определённое, ей не нужно было лично приносить ему коробку коричневых булочек из столичной пекарни – достаточно было просто вписать булочки в меню. То же касалось и одежды: гардероб наследника престола шился портными, которых отбирала и одобряла императрица, и до того, как они придут к Артамону за мерками и распоряжениями, мама вполне могла дать им рекомендации, которые сочла бы наиболее подходящими – её сын принял бы к их сведению и, скорее всего, учёл. С кольцами всё было ещё проще: императорская сокровищница располагала редчайшими драгоценностями, регулярно пополнялась благодаря относительно доброму соседству с Русальным Морем и Королевством Снегов, которые предоставляли дары из глубин и

горных пород. Во дворец прибывали ювелиры, предлагая на продажу достойнейшие из своих работ прежде, чем предложить их кому-нибудь другому: нельзя изготовить что-то восхитительное и позволить увидеть это другому дракону или тем более человеку раньше, чем правящим драконам империи. Всё лучшее всегда достаётся драконам: кому, как ни сильным мира любого, в каком ни окажутся? Мамины же подарочные кольца часто были всего лишь безделушками: не самыми дешёвыми, но всё же теряющимися на фоне роскошеств дворца.

Однако что бы ни думал о бессмысленности подарков, которые матушка делала каждую неделю, Артамон, он любил её сияющее лицо, когда она их дарила. Ему нравились её улыбки ему, поглаживания по плечам и спине, то, как она радовалась тому, что может позволить себе всё, что угодно, потому он не избавился за все годы ни от одного её дара и всегда находил тому или иному применение. Хотя всё ещё не видел особой разницы между тем, почему мама не может радоваться своему богатству и наслаждаться тем, что что-то ему преподносит в пределах стандартных своих обязанностей. Погладить и поцеловать его можно ведь и без всяких бессмысленностей.

Впрочем, императрица Таисия в целом состояла из всяких бессмысленностей. Именно потому Артамон был таким дотошным, что научился разглядывать в них смысл. Не свой, чужой смысл: то, что он разглядывал, могло не совпадать с

тем, что он понимал, но, найдя объяснение чему-то, пусть и не самое логичное, он успокаивался и приноравливался к тому, как себя вести с теми или иными людьми. В жизни становилось меньше неожиданностей.

Свалившаяся на него ответственность в виде Виктории была... неожиданностью. Полной нелогичностей! И именно в день знакомства с ней мама принесла ему в подарок коробку коричневых булочек.

– Мама, я только что позавтракал, – Артамон вскинул брови, завидев коробку в её руках.

Императрица Таисия, белокурая, сероглазая, очаровательно хрупкая и столь же очаровательно несносная, как любил говорить о ней отец, улыбнулась привычно и ярко.

– Знаешь, что лучше одного завтрака? Два завтрака! – весело заключила она, всучив ему подарок. – Особенно когда один из них такой вредный и вкусный. Пахнет до того восхитительно, что мне немножко жалко отдавать.

О том, что мама и не обязана отдавать ему то, что купила, наследный принц промолчал. Коробка была ещё тёплой: рабочий день только начался, выпечка сейчас была самая вкусная и самая свежая, да и столичные кафе ещё не заполнились путешественниками со всего континента, только работниками.

– Однако у тебя был всего один, потому что на нашем тебя не было, мама, – упрекнул её Артамон, но слишком ласково, чтобы это действительно считалось упреком.

– Мне нужно было заглянуть к твоей тётке Лири, – пояснила матушка и потёрла складку, образовавшуюся на переносице. – Сам знаешь, какая для неё сейчас головная боль.

Знал. Головная боль Анаилиры Миранис, урождённой принцессы Королевства Снегов и давней маминой подруги, была головной болью всей верхушке империи, осведомлённой о находке за горами.

– Ситуация могла бы быть значительно проще, знай мы, где её дочь, – вновь погрузился в размышления о деле, от которых отрывался в последнее время разве что только на сон, Артамон. – Если мы не заключим договор в ближайшее время, то только война выиграет нам доступ к стихийной шахте. С камнями, которые, казалось, были утеряны все до единого, кроме того, что в Амулете Всех Стихий!

– Я знаю, сынок. Я знаю, – императрица положила руку ему на плечо. – Однако помимо войны мы всё ещё можем согласиться на другие условия.

– Только вот «другие условия» вряд ли будут столь же сговорчивы и склонны нам подыгрывать, как та, кого мы так долго ищем.

– Не думаю, что и она была бы сильно сговорчивее.

– И почему же?

– Она ведь сбежала! И она дочь Лири и Лэйса. Разве что, ты прав, она всё же была бы добрее по отношению к своей родине. Такая добрая девочка росла! Но с её защитой слишком переборщили! – тут императрица Таисия печально вздохну-

ла. Его матушка любила удравшую из дома семь лет назад девочку, возможно, потому что сама не имела дочери и не была готова рожать второго ребёнка. Когда Артамон предполагал, что мог бы иметь сестру, матушка только отнекивалась и махала руками. Тогда Артамон помалкивал о том, что отец вообще хотел бы близнецов.

– Она была бескрылой, слабой и нуждалась в защите, – не видя ошибки в действиях родителей пропавшей Анаилиры Миранис, сказал драконий принц.

– Я не летала большую часть жизни до твоего рождения, Арти. Хочешь сказать, что я слабая? Или она, которая сумела уйти ото всех?

– Ты не умела, – заметил Артамон. – А она не могла. Это разное.

Однако под взглядом матери дракон стушевался и просто принял подарок, обещавшись съесть его позже, в течение рабочего дня. Однако с работы в кабинете его выдрали. Тем способом, который казался невозможным, нереальным и давно не был предусмотрен защитой императорского дворца!

Поразительно, но его сделали фамильяром!

Драконы – высшие существа. Такую классификацию они получили во всех мирах, в которых побывали, не словом, а делом доказав, что с ними следует считаться. Похищенные девушки, сожжённые деревни, пещеры с сокровищами – всё это было во времена, когда они действовали варварски.

Драконы появлялись, укреплялись на территориях, являли свою власть и успокаивались, становясь правителями, которых можно не только бояться, но и любить. Так, что со временем некоторым их подданным тяжело было поверить, что когда-то было иначе, когда-то было жёстче. Если миры оказывались магически скудными, пустыми или не привлекали своими обитателями, то в таких мирах не задерживались: от них закрывались, как и от технологий, что в них развивались. Бабушка Артамона была из подобного мира, с Земли.

Мир, в который угодил Артамон, был одним из тех миров, который драконы решили не трогать из-за чокнутых магов, его населявших. Здешние маги до того одурели, что вырывали из других миров магических существ, чтобы использовать в качестве защитников, источников магической подпитки, ресурса знаний и умений. Связывали мерзкими заклинаниями привязки, от которых было трудно избавиться, как от запаха тухлой рыбы, завалявшейся в тарелке.

Магия – она везде одна, как кислород, только вот в руках разных видов раскрывается по-разному. Драконы владели одними силами, ведьмы и ведьмаки из Патера, мира Артамона, другими, ведьмы и колдуны из мира, в который притянула его Виктория, пошли по третьему пути. В общем, справиться с местными жителями драконы могли бы физически, но вот магически проблемки возникали. Легче было закрыться. И они были закрыты защитными чарами многие годы, веками никто из драконов(по крайней мере тех, что на-

селяли Патер), не оказывался в лапах предприимчивых магов других миров. Однако же на Артамоне, одном из сильнейших драконов современности, защита почему-то не работала.

Принц покосился на Викторию, раздражённо дерущую волосы расчёской после сна, и про себя вздохнул. Она была похожа на беспомощного ребёнка. Ребёнка, которого втянули во что-то серьёзное, ведь, если подумать, могло ли быть его попадание в этот мир и нарастающее напряжение в его родном мире простым совпадением? Или кому-то было выгодно, чтобы он исчез. Возможно, не вернулся?

– Ты перестанешь таращиться? – с расчёской, застрявшей в волосах, как у измученной куклы, Виктория отвернулась от зеркала.

Она была таким очаровательно неумелым и запутавшимся ребёнком, что он сдержал комментарий о том, что её волосы сейчас отражают состояние её души.

– Я мог бы помочь, – вместо этого предложил он, располагаясь улыбнувшись, как если бы предлагал что-то напуганному и забитому уличному котёнку. Судя по всему, Виктория именно таким котёнком и была, хотя притворялась львицей, не меньше. Но даже львицы были всего лишь кошками рядом с драконами.

– Дай-ка угадаю: идеальный Артамон умеет всё, от копания в мозгах до плетения косичек? – язвительно отозвалась девушка и, непонятно кому хуже делая, вновь попыталась

сама высвободить волосы из расчёски. – Ай! Да чтоб тебя!

Дракону не нравилось, что такая молоденькая девушка ругается, но он опять же сдержал замечание из уважения к тому, что против её воли стал свидетелем беспокойного сна, который ей так отчаянно хотелось спрятать. Вот к чему вёл недостаток знаний: спрятаться от него у неё не получится.

– Я не умею читать мысли, – чуть сгладил свою идеальность, как ему показалось, в глазах Виктории Артамон. – Если бы я умел, было бы гораздо проще взаимодействовать с окружением. А так постоянно приходится думать, что творится в головах собеседников.

– Может, просто в них не лезть? – бросила зло Виктория.

– Меня положение обязывает, – он развёл руками.

– Быть таким невыносимым?

– В каком-то смысле – да, – немного подумав, согласился с её уточнением.

– Знаешь, мне было бы проще, если бы ты сказал, что же у тебя за положение такое.

Увы, но драконий принц не собирался раскрывать девушке эту тайну сейчас. Её настрой показывал, что правильно оценить и использовать полученное знание она не сможет, а ещё наверняка выкинет какую-нибудь детскую месть, подставив его перед здешними магами. Магами, которые не намерены девчонку отпускать, и он осознавал, почему, после дня полноценного сна и отдыха, когда их выпустили из библиотеки: ведьмочки с низким уровнем дара не призывают

в качестве фамильяров драконов. Будь Виктория слабой, её случайное взаимодействие с его призывным рисунком привело бы к её смерти.

– Я мог бы рассказать, если бы ты поведала мне о своём сне, – нет, не мог бы, но ему было бы легче определиться, что делать с девчонкой дальше, после того, как он найдёт путь домой.

– Нечего о нём рассказывать, – она закатила глаза. – Просто тупой сон в тупой голове, ничего больше.

– Не в тупой, – не согласился Артамон. – Поглощение книг заклинаний сделает её умнее, чем она есть сейчас, но и сейчас она не тупая.

Виктория выглядела удивлённой похвалой, хотя похвалой слова дракона было трудно назвать. Она растерялась и будто намеренно причиняла себе боль, дёргая за расчёску. Наконец, пожевав губу, она сказала:

– Предпочитаю поглощать ею чипсы, Арти!

И высунула язык. Определённо снова провоцировала его.

– Его могут откусить, если так всем показывать будешь, – как бы невзначай заметил он.

– Ты мне угрожаешь?

– Нет, я всё ещё хочу вынуть расчёску из твоих волос. И сделать из них что-то приличное.

Виктория поморгала.

– Не надо относиться ко мне так, будто я не могу всё сделать сама, ясно? – она словно размышляла, выбрать ей агрес-

сивную защиту или отступить, и ошибочно выбирала агрессию в присутствии дракона, как, видимо, выбирала агрессию уже достаточно давно. Ей очень повезло, что Артамон – воспитанный дракон, выросший в семье, где мать подготовила к выходкам людей. Да и вообще принц более лояльной к человеческому виду страны. В Королевстве Снегов людям приходилось следить за словами куда чаще. И безопасность людей – то, что делает его возвращение домой ещё более важным. Даже если Викторину придётся утащить за собой.

Глава 6. Грызть гранит науки – быстро и со вкусом!

Казалось бы, что могло сделать мой вечер ещё хуже, чем он уже был, кроме выставленного на обозрение фамильяра кошмара? Кроме самого кошмара, который так не хотелось видеть? Ну, пожалуй, кошмар воплоти в виде дракона из другого мира! Да, мне нравится слово «кошмар»!

– А, ну поставь, где взял! – что было мочи стукнула Артамона по спине кулаком.

Он даже не вздрогнул, когда невинным голосом ответил:

– Но дверь закрылась! Как я могу поставить тебя за закрытую дверь?

– Так открой её, дракон-недоросток! – моя стиснутая ладошка снова обрушилась на его крепкую, как бетонная стена, спину.

– Не могу – у меня ключа нет! – и тут нашёлся с ответом Арти.

– А как мы собираемся вернуться туда, если ты взял меня, но не проклятый ключ?! – разозлилась я пуще прежнего.

– Ты используешь заклинание! – какой исчерпывающий мне был дан ответ!

– Какое, позволь спросить? – елеинным голосом поинтересовалась я.

– Такое, какое сегодня выучишь! – Артамон будто и не заметил смену моей интонации.

Я зарычала:

– Не собираюсь я учиться только для того, чтобы спать вернуться! Открывай сам!

– Без твоего магического развития открыть не получится, – он едва ли не извинялся.

– Ты уже делал вещи круче без моего, тьфу ты, магического развития! – однако я не повелась.

– А ты думала мой резерв в чужом мире бесконечный? – хмыкнул Артамон.

Я окончательно вышла из себя, заелозив активнее, стараясь всячески слезть с его плеча, на которое оказалась закинута. Заорала:

– Да хватит уже дурить мне голову! Я не хочу на занятия! Не хочу! Не хочу, не хочу, не хочу!

Результата мои попытки выбраться... не принесли. Дракон всё ещё крепко держал меня, коридор общежития всё ещё был пустынен, ибо другие студенты магической академии слишком правильные и на первой паре, направление движения Артамона не поменялось. И только полученный шлепок по попе всколыхнул огромную долю обиды и некоторые неприятные воспоминания. Я дёрнулась:

– Арти, только тронь там ещё раз – и я обещаю найти способ избавить тебя от руки! Потому что она у тебя явно лишняя!

Артамон притормозил лишь на секунду, и её мне, конечно же, не хватило, чтобы освободиться. Лестница впереди показалась самым страшным врагом. Она не оставила мне иного выбора, кроме как не дёргаться и вцепиться в дракона всем, чем можно, и так крепко, как только возможно. От страха упасть и разбить голову, как арбуз, я даже замыслила в рифму!

– Больше не буду трогать, – пообещал Артамон тем временем. – Только если ты сама в будущем не попросишь.

– Не знаю, что должно случиться с моим мозгом, чтобы я попросила, – проворчала я.

– Не с мозгом.

– Ты можешь не поправлять меня через каждое слово?

– Я не поправляю тебя через каждое, – возразил дракон.

– Аргх, ясно, не можешь, – прорычала с раздражением. – Не удивлюсь, если в своём мире ты какой-нибудь учитель. У вас учителям хорошо платят? В моём мире они зарабатывают копейки.

– Почему ты так ненавидишь учёбу?

Спустившись, Артамон поставил меня на ноги и мягко провёл рукой по взлохмаченным после нашей словесной и телесной баталии волосам. Я вздёрнула руку, чтобы хлопнуть его по запястью, почувствовав желанную свободу, но замерла в самую последнюю секунду. На языке появился сладковато-горький привкус неудавшегося варенья, а при глотании слюны осталось кислое послевкусие ягод. Рука, не доле-

тевшая до кожи Артамона, оказалась на пылавшем затылке.

– А за что её любить? – спросила я, отведя взгляд. – Только не говори, что за радость узнать что-нибудь новое. Такая радость, которая предварительно вытягивает из тебя все ресурсы, бесполезна, особенно, когда не с кем ей поделиться. Зато знаешь, чем необязательно делиться с другими? Тем, что радует исключительно тебя и только для тебя и предназначено.

– Твои знания нужны разве не тебе в первую очередь? – он произнёс очередную банальность.

– Мне ли? Чаще всего знания нужны кому-то другому больше, чем им нужен ты.

Я усмехнулась:

– Некоторые считают, что без своей учёбы ты ничего из себя не представляешь. Я – живое доказательство, что это не так.

Артамон медленно зашёл мне за спину и провёл по волосам непонятно откуда взятой расчёской. С осторожностью и теплотой, которая не должна была исходить от не знающего обо мне ровным счётом ничего че... дра... существа, короче.

– Ты не будешь дёргать мне волосы, чтобы причёска не распалась? – сдалась остановить его от поползновений я.

– В этом нет необходимости.

Я почувствовала, как Артамон собирает волосы наверх. Дракон не тянул их так, что, казалось, с волосами вытягивают череп, как это делала мама.

– Колтуны будут.

Фамильяр не стал комментировать моё замечание. Он завязал волосы непонятно откуда взявшейся лентой, и хвост выскользнул из его рук, ласково и игриво мазнув меня по шее и спине.

– Их нет. Ты можешь делать что-то без сопротивления, Виктория.

В магической академии на пары не проносили напитки. Ни кофе в бумажных стаканчиках, ни пузырящиеся сладкие газировки в пластиковых бутылках, ни йогурты, которыми можно вкусно и раздражающе хлюпать или рисовать усы над верхней губой. Здесь садились преимущественно на ближайшие к лектору ряды и слушали с внимательностью участников акций, ожидающих объявления победителей розыгрыша на бесплатные пиццы.

– Нам следует поздравить Викторию с успешным призывом фамильяра, – торжественно объявил наставник, расхаживая внизу и постукивая по каменному полу тростью с золотой рукояткой в форме крысы. Крыса была одним из воплощений его фамильяра и его истинной сутью. Хотя, внешне на это животное он совсем не походил.

«Бу-бу-бу-бу», – сидя на самом верхнем ряду аудитории, я беззастенчиво пародировала его. Даже нарисовала себе его усы магическим стойким карандашом.

– Кто мне ответит, от чего зависит успех призыва фами-

льяра? – обратился колдун к учащимся. – Да, Вэлиан?

– От размера магического резерва призывающего! – протараторил излишне угоджающий преподавателю однокурсник с первого ряда. Сиди я поближе, плюнула бы в него бу-мажкой через трубочку.

– И какие фамильяры самые сильные? – задал следующий вопрос наставник.

– Те, кто имеют человеческий облик, помимо истинного, – отозвался тот же студент.

Я показательно зевнула, зная, что наставник увидит. Было ясно, для кого именно колдун устроил это представление – для излишне упрямой студентки, которую пришлось запретить в библиотеке, чтобы она выполнила задание. Всё хочет доказать мне, что ведьмой быть чудесно и мне стоит прекратить отбиваться от попыток научить меня чему-то.

«Ты можешь делать что-то без сопротивления, Виктория», – проклятые слова Артамона осели в голове и никак не хотели выветриваться из памяти, слишком значительные, чтобы их просто забыть и отпустить, всё равно, что ненужные котята разродившейся любимой кошки. Не помогало ничего из привычных методов: ни долгое рассматривание облаков и предметов за окном, в ожидании, когда появятся вороны, которых можно будет посчитать, ни сосредоточение на преподавательской интонации, а не словах, чтобы почувствовать сонливость, ни равнодушие. Оставался последний метод.

– Наставник, я хочу остаться сегодня на дополнительные занятия, – после того, как скучная лекция, содержимое которой я благополучно пропустила мимо ушей, закончилась, я подошла к лектору, назначенному моим наставником ещё в первые дни попадания, и нагло села на краешек его стола. – Хочу развить свою связь с фамильяром. Кажется, вы упоминали, что их можно как-то затыкать? Ну, как кнопочка вкл/выкл, типа говори/не говори?

Насколько хорошо мужчина понимал мои формулировки, меня не слишком волновало. Наставник выглядел молодо – ещё бы не выглядеть с его-то запасом зелий! Я однажды любопытства ради заглянула в его портфель – и увидела такое количество уходовых зелий, что даже моя мать, оставшаяся на Земле и не скупившаяся на косметику, позавидовала бы. Да и магия в принципе молодила. Как и позволяла расширять пространство, буквально делая реальным классическое походное выражение – впихнуть не впихиваемое!

Мужчина посмотрел на меня тем взглядом, который я не любила больше всего, тем, что означал, что он что-то задумал: это кончалось работой для меня и одобрением от ректора академии для него, потому что он упорно продолжал выбивать из меня результаты, которые радовали руководство.

– Вижу, появление фамильяра благоприятно сказалось на вас, Виктория, – неприятно улыбнулся наставник, посмотрев мне за спину, туда, где стоял Артамон. На протяжении всей лекции, на которую меня притащил, дракон сидел ря-

дом, необычайно тихий. Я пару раз бросила на него взгляд, мысленно крутя его бесившие слова на языке вместе со слюной – он взял мои тетрадь и ручку и записывал материалы. Выглядел, как образцовый студент, точнее, как тот самый староста-отличник, который принципиально не отметит твоё присутствие на занятиях, если тебя на них не было. – Вы уже сами стремитесь к знаниям.

Я закатила глаза и повозилась на его столе, как бы случайно скинув несколько его записных книжек на пол. Пусть поднимает!

– Я стремлюсь к господству во Вселенной и владению всеми сладостями мира, но это не суть важно, наставник, – фыркнула я, поведя рукой. – Что важно, так это то, что если уж вы навязали мне эту заразу, то обязаны помочь её контролировать.

– Звучите, как потенциально лучшая ведьма на курсе, – довольно хмыкнул колдун.

Его чёрные хищные глаза блеснули магией. У него был идеальный прямой нос. Мне хотелось попасть по нему кулаком. Я сдержалась.

– Скажите мне, когда будет экзамен по вашему предмету заранее, пожалуйста, – попросила с милой улыбочкой.

– Хотите начать усиленную подготовку?

– Хочу не прийти.

Наставник посмеялся с моих слов, как с хорошей шутки, хотя прекрасно знал, что я не шутила. Проблема в том, что

он, как и весь преподавательский состав этой шарашкиной конторы, как и все в этом излишне гостеприимном для приезжих, если они магически одарённые, мире, хотел выжать меня досуха. Точно так же, как меня пытались выжать досуха мои родители, наслаждаясь похвалами учителей, но никогда – мной самой, как дочерью.

Я бросила острый взгляд на Артамона, которого будто и не трогало то, что я хочу научиться управлять им, как какой-нибудь собакой, подчиняющейся командам. При наставнике и других студентах он вёл себя смирно, не демонстрируя ни своей драконьей гордости, ни того могущества, что я успела оценить в библиотеке. Глубоко вздохнув, я отвернулась: изначально повернулась к дракону вовсе не за тем, чтобы размышлять о мотивах его поступков, а за тем, чтобы обжечь негодованием. Если бы не его появление, вряд ли я бы увидела тот кошмар, вряд ли начала бы вспоминать то, что загоняла в себя вполне успешно всё это время. Артамону же хотелось это вынуть – что ж, он же за это и поплатится. Ведь я действительно восхитительная ученица, когда мне это нужно.

– Тогда от вас дату экзамена будут держать в тайне до последнего, – улыбнулся белоснежными зубами наставник. Я хотела такие же, но стоматологические заклинания были... в общем, им в этой академии не учили, это было что-то вроде элитной специальности исключительно для местных колдунов и ведьм. Они рубили в этой области превосходные баб-

ки. Вроде мир другой, а стоматологи в шоколаде и там, и тут.

– Вы ведь сами толкаете меня вообще не ходить на занятия, – я так улыбаться не стала. Игриво качнув ножкой, я смахнула со стола наставника подставку с ручками и карандашами. Они упали и раскатились по аудитории, застревая в щелях между каменными плитами. Восторг – наставник не только должен будет поднять свои письменные принадлежности, но и как следует почистить их!

К моему разочарованию, мой истинный кошмар, без всяких ласковых суффиксов, как в случае с Артамоном, не разолился на меня от слова совсем. Он будто не замечал, как я откровенно его провоцирую, хотя это и было неправдой. Исчезновение предметов со стола он заметил и решил проблему достаточно легко и скучно для меня, желающей видеть его на коленях, в пыли и грязи, нанесённой из коридоров в аудиторию другими студентами. Колдун поднял руку, затянутую в белоснежную перчатку, пошевелил пальцами – и записные книжки взлетели в свете искорок, похожих на пыльцу феи, и сами по себе прыгнули наставнику в портфель. Как и принадлежности для письма.

– Мы обсудим это с вами на дополнительной паре после занятий, студентка Виктория. Думаю, я могу предложить вам что-то такое, что пробудит в вас ещё большую тягу к знаниям, чем призыв дракона.

Я скривилась. Наставник вышел из комнаты.

– Не думайте, наставник, у вас это паршиво получается.

Брошенная в спину фраза повисла в воздухе, как едкий запах духов, сохраняющийся в помещении, даже когда человек уходит. Отравляющее незримое присутствие колдуна затрудняло дыхание, так что я невольно потёрла горло и нос рукавом рубашки и глубоко вздохнула. Выдохнула.

– Потому профессор Дисепт и выбрал тебя, надо полагать, – Артамон вторгся в мои мысли и ощущения с ноги, когда положил руку мне на плечо и мягко, но настойчиво, развернув к себе лицом. В отличие от меня, он назвал наставника по имени. – Потому что вы оба паршиво думаете.

– Тц! – я пробежалась пальчиками по собранным в золотую косу волосам у него на плече, вгляделась в медово-карамельные глаза, ища угрозу своему существованию, и, не найдя, обнаглела. – Что, Рапунцель, не понравились мои поползновения на твою свободу? Неприятно, а? Понимаешь меня, да?

Он ничего не ответил, и я зарычала про себя. Скучно дразнить того, кто не отвечает! Я тут же отстранилась и вздохнула, свободно и безболезненно.

– Если действительно не понравились, стоило держать язык за зубами, – уже без насмешки произнесла я, повернувшись к фамильяру спиной. Идти на дополнительные занятия больше особо не хотелось: всё же, колдун Дисепт бесил меня сильнее красавца-дракоши. Тупо было вообще заговаривать с наставником.

Что-то позади меня хрустнуло, но, когда я обернулась,

не увидела следов разрушений: никаких сломанных карандашей, столешниц или кусков каменного пола. Хотя последнее и так было самым маловероятным источником звука, потому что пойманный ухом хруст был совсем не похожим на разрушение камня. Скорее, создавалось впечатление, что хрустнула кость: к примеру, Артамон мог сломать себе палец.

Я вскинула бровь, ожидая пояснений. Дракон взял меня за руку, при этом ладонь у него была целой, тёплой и сухой, без нервного пота: значит, мне просто показалось. Недостаток сна вызвал слуховые галлюцинации.

– У тебя дальше... – в голосе дракона послышалась вопросительная интонация.

– Завтрак! – перебила я. – Не знаю, что там у других больных, но у меня завтрак! Топ-топ-топ в столовую, силушки восстанавливать, вкушать яства и наслаждаться!

В тот день ни на завтрак, ни на другие занятия я так и не попала. Руководство академии решило, что если не грызу гранит науки, как все, значит, буду грызть гораздо быстрее, да где-нибудь на другом конце мира. Холодном конце мира...

Глава 7. Твои тайны в моих объятиях

Иногда я думала о мире, как о музыке. Как и многие послушные детки с прекрасным дневником для родителей, я посещала занятия в музыкальной школе – и там старалась быть такой же лучшей, как в школе обычной. Со временем я поняла, что всё в этом мире имеет своё звучание, которое можно переложить на ноты. Боль звучала, как а капелла на высоких нотах, отчаяние тянуло к земле и под неё низкими. Страх кричал скачущими высокими нотами и протяжными переходами, надежда – женским хором во всё нарастающем сопровождении оркестра. Дождь шелестел, как народные песнопения в ночи, ветер гудел, походя на трубы, а снег кружил, как мелодии, выходящие из-под пальцев на старом фортепиано. Каждый человек звучал по-разному, но я для себя выделяла группы: те, кто звучат опасностями органа, те, кто веет романтической тоски скрипки, те, кто быстры и резки, как барабаны, те, кто полны сомнений, как фортепиано...

Снежинка коснулась носа и растаяла, каплей упав на платформу. Я обняла себя руками – зимняя мантия с меховым капюшоном, чёрная и таинственная, как и положено одежде ведьмы, тяжестью висела на плечах, но не справлялась с тем, чтобы как следует согреть меня на ветру. Руки, красные

и уже осушенные непогодой, я бездумно запрятала под самую форменную рубашку, к теплу, чем сделала себе только хуже, так как коснулась пальцами-ледышками горячей кожи живота, а той это совсем не понравилось. С ойкающими звуками пришлось одёрнуть ладошки просто под плащ. Холодный ветер кусал за щёки, как ребёнок за куски лакомого пирога, которые надо срочно уменьшить в размерах, пока мама не вернулась и не посадила за стол, чтобы ел суп. Обильно шёл снег – в свете здешних огней он казался разноцветным: то оранжево-золотистым, как освещающие платформу фонари или лампы в вагонах, то серебристо-белым, как выступившая луна, то насыщенно-синим, как возвышающиеся то тут, то там ледяные статуи естественного происхождения. Местные жители статуи не разрушали для освобождения дополнительного места, они сохраняли их природную красоту, строя здания вокзалов и городов, ларьки с едой в дорогу и мосты вокруг них. Лёд скульптур причудливо изгибался, очертаниями напоминая горгулий и диких зверей, цветы и деревья.

Работники железнодорожной станции, носящей причудливое название «Незадолго до конца» счищали излишки снега с совсем не сказочно выглядящей, типичной платформы, усталые проводницы с мизерными магическими резервами, запихнувшими их на эту работу вместо чего-то получше, возились с составами, разбивали лужицы льда. Стучали ломы, чужие сапоги о платформу и мои зубы.

– Пойдём-ка в купе, – призвал Артамон.

Напряжённый и натянутый, как струна, которая вот-вот лопнет, дракон приобнял меня, обдав волной горячего воздуха, исходящего от его кожи даже из-под одежды, у него изнутри, и повел назад в поезд. Его состояние было не так заметно, если не видеть, каким непоколебимым дракон может быть, но он оглядывался и изучал местность, словно что-то выискивал. Ему не нравилось то, что он ищет. Я похолодела не только телом, но и душой.

– Что-то не так? – спросила я, застыв на платформе. Остановившись, я внимательно оглядела Артамона, демонстрируя свою заинтересованность не только вопросом, но и взглядом. На драконе, как и на мне, была зимняя форменная мантия государственной магической академии ведьм столицы, служившая опознавательным знаком для других ведьм и колдунов, с которыми нам предстояло иметь дело. Хотя весь этот мир был одним большим государством, в какой-то степени каждый город был государством в миниатюре и имел свою репутацию среди других городов. Быть магом из столицы было престижно – на этом плюсы ситуации заканчивались. Отправленные ректором навстречу приключениям, ни я, ни Артамон не испытывали восторга.

– Нет, – покачал головой дракон, притискивая к себе плотнее. – Почему ты спросила?

Я дёрнулась, отходя подальше. Всё же, за кого он меня принимал?

– Ты похож на собаку, идущую по следу, – заметила мрачно, не разрывая с ним зрительного контакта. – Думаешь, я идиотка и не вижу? Тебя что-то тяготит. И оно не в поезде, а где-то здесь. Что тебя может тяготить здесь, что ты практически бежишь от этого?

– Думаю, что ты просто очень замёрзла, – Артамон поднял уголки губ в подобии на улыбку, на которую должны покупать глупые наивные девицы из фильмов нулевых. Я не купилась: мне те фильмы особо не нравились, их было прикольно смотреть разве что с кем-то, чтобы вместе поржать. – При всей очаровательности этой станции, нас с тобой направили дальше, на станцию «Конец Начала». Быстрее окажемся на месте, быстрее вернёмся в стены академии. Тебе нужно учиться, чтобы я мог защищать нас обоих.

– Без нас всё равно не уедут, – отмахнулась я. – Мы стоим на видном месте. К тому же, у поезда есть расписание. Он не поедет быстрее, если мы быстрее окажемся внутри. И хватит напоминать мне об учёбе!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.